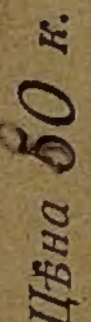
Н. В. ГОГОЛЬ

ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

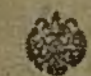

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Составилъ В. В. Каллашъ.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.

Москва — 1902 г.

Н. В. ГОГОЛЬ

ВЪ

РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

Сборникъ

стихотвореній.

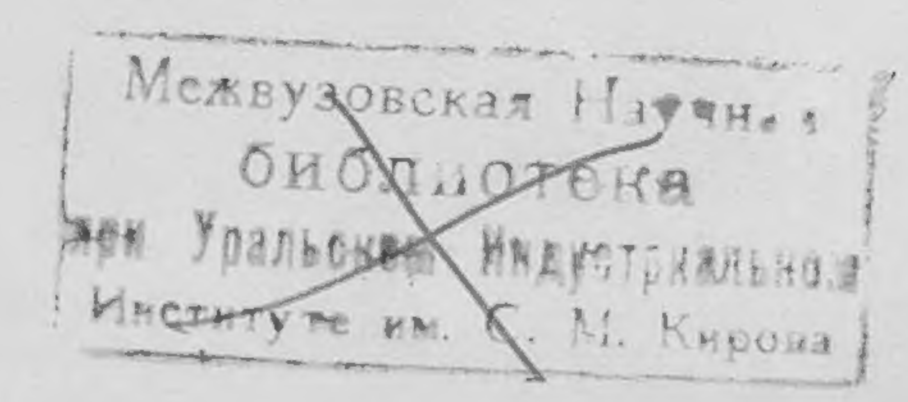

Составилъ

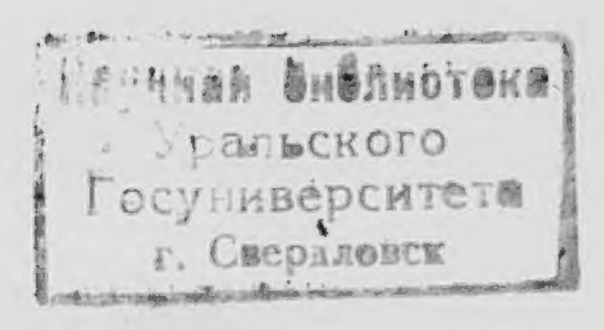
В. В. Каллашъ.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой домъ
МОСКВА. — 1902.

Дозволено цензурою. Москва 8 декабря 1901 года.

Предисловіе.

Въ то время, какъ личность и поэзія Пушкина вызвали, по нашему приблизительному подсчету, около 700 стихотвореній, Гоголю посвящено всего 25: больше намъ не удалось разыскать, несмотря на самые тщательные библіографическіе розыски. Причину этого страннаго на первый взглядъ явленія отчасти разъясняютъ вдохновенныя слова самого великаго писателя: „не таковъ удѣлъ, и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что̀ ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи,—всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца, дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ навстрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченьемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяньи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, отъ современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ

ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта: ибо не признаётъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнца, и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаётъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія; ибо не признаётъ современный судъ, что высокій восторженный стихъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаётъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношенье непризнанному писателю: безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участья, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствуетъ онъ свое одиночество".

Какъ вѣрно и мѣтко предсказалъ здѣсь свою житейскую судьбу великій комическій писатель, одинъ изъ наиболѣе трагическихъ образовъ нашего прошлаго!

Съ юныхъ лѣтъ онъ, „таинственный карло" нѣжинскаго лицея, былъ замкнутъ и скрытенъ, какъ всѣ люди съ слишкомъ сложнымъ душевнымъ міромъ, съ необъятными стремленіями, съ основнымъ душевнымъ разладомъ.

Разъѣдающій анализъ, скептическая острота ума, исключительная способность схватывать явленія съ ихъ смѣшной стороны, глубокій юморъ, „болѣзнь собственнаго несовершенства" борются въ его душѣ съ страстною потребностью въ вѣрѣ, лирическимъ паѳосомъ, сантиментальнымъ сердцемъ, которое „любило нѣжиться въ грусти". Это — глубокій романтикъ по настроенію, при удивительномъ реализмѣ творческихъ пріемовъ, сатирикъ-моралистъ и мистикъ, аскетъ и глава „натуральной школы". Это — „духомъ схимникъ сокрушенный, а перомъ — Аристофанъ", метафизическая натура безъ образованія, дисциплины ума и

правильной школы, даже — рѣшимся сказать — философскихъ способностей, алкавшая цѣльнаго и стройнаго міровоззрѣнія въ самую глухую пору русскаго общественнаго развитія, погубившая себя страстными поисками истины и нравственнаго совершенства въ самый разгаръ „безвременья“. Ему пришлось пережить свою кратковременную славу, при полномъ сознаніи наблюдать въ себѣ разложеніе таланта и умереть съ страшной мукою въ душѣ, глубоко понявъ свое творческое и религіозное безсиліе!

Онъ всегда былъ самостоятеленъ въ своихъ отношеніяхъ и многихъ отпугивалъ сложностью своего душевнаго міра, малопонятнымъ процессомъ своего творческаго развитія. Даже близкіе люди (напр., Жуковскій, Аксаковъ, Плетневъ) плохо понимали его. Изъ современниковъ только Пушкинъ, кн. Вяземскій и Бѣлинскій подошли ближе другихъ къ тайникамъ его души, которые, впрочемъ, и до сихъ поръ очень мало намъ извѣстны.

Для большинства онъ былъ загадкой и какъ человѣкъ, и какъ писатель. Все въ немъ казалось противорѣчивымъ и страннымъ; повидимому, весь онъ былъ сотканъ изъ неожиданностей, прихотливыхъ переливовъ настроенія, капризовъ. Часто не знали, какъ къ нему подойти, и онъ отдавался откровенной, искрившейся остроуміемъ бесѣдѣ тогда, когда этого меньше всего ожидали...

Какъ писатель, онъ многимъ казался необыкновеннымъ явленіемъ, даже чудомъ. Многое, конечно, въ немъ можно (и слѣдуетъ) отнести къ вліянію малорусской литературы, въ сферѣ которой онъ провелъ свою юность, и *лучшихъ* элементовъ Пушкинскаго кружка, который довершилъ его литературное образованіе и развитіе, но еще больше принадлежитъ ему одному, его своеобразной организаціи...

Какъ встрѣтили его современное общество и печать? Они смѣялись надъ другими, когда слѣдовало смѣяться и

плакать надъ собой, — скользили по поверхности захватывающихъ по своему общественному смыслу, потрясающихъ жизненныхъ картинъ; видѣли цинизмъ, фарсъ и анекдотъ тамъ, гдѣ ставилась „Божественная комедія“ русской жизни!

Для уясненія Гоголя многое, но далеко не все, сдѣлалъ Бѣлинскій. Въ рамки, намѣченныя великимъ критикомъ, конечно, не помѣстится все творчество Гоголя: стоитъ вспомнить, положимъ, хотя бы исторію его недоумѣній по поводу „Переписки“. Слишкомъ было близко время, поднятые вопросы касались животрепещущихъ интересовъ, грандіозное зданіе Гоголевскаго творчества не могло быть еще окинуто однимъ взглядомъ...

Гоголь вліялъ и понимался только отчасти — на лучшій конецъ сквозь призму взглядовъ Бѣлинскаго; его мало знали и понимали при жизни, какъ мало знаютъ и понимаютъ теперь...

Кто его присные? Онъ отталкиваетъ отъ себя тѣхъ, кто стремился къ нему душой и кто на такое сближеніе имѣлъ больше всего права, и водился съ оптинскими старцами и свѣтскими святошами, которымъ совсѣмъ были чужды наиболѣе интимные изгибы его души...

Поэтому-то объ немъ такъ мало писали наши поэты, такъ мало посвятили ему своихъ стиховъ.

Но тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ и то немногое, что дошло до насъ.

Стихи о Гоголѣ имѣютъ большое значеніе для его біографіи: они вскрываютъ литературныя отношенія великаго писателя, даютъ яркія черты для характеристики его личности и жизни, отражаютъ общественную оцѣнку и критическіе отзывы объ его творчествѣ или, въ свою очередь, вліяютъ на нихъ.

Многіе изъ нихъ (напр., Некрасова, кн. Вяземскаго, Берга, П. И. Вейнберга) отличаются выдающимися художественными достоинствами. Попадаются, конечно, среди нихъ

и слабые, но мы включили и ихъ въ свой сборникъ: они — показатель отношеній къ Гоголю и, въ этомъ значеніи, очень цѣнный матеріалъ.

Мы увѣрены, что при чтеніи большей части произведеній, вошедшихъ въ нашъ сборникъ, не только не будетъ оскорблено, но даже получитъ полное удовлетвореніе самое взыскательное эстетическое чувство читателей; тѣмъ не менѣе наша главная цѣль — историко-литературный сборникъ, который можетъ дать толчокъ для мысли, вдумчиваго изученія великаго писателя, а не художественная хрестоматія по его поводу...

Позволимъ себѣ напомнить наши слова изъ предисловія къ сборнику „Русскіе поэты о Пушкинѣ“ (М., 1899, стр. V): „намъ кажется, что эта поэтическая оцѣнка, во всей ея совокупности, очень характерный фактъ и помимо эстетической цѣны отдѣльныхъ ея проявленій. Какъ болѣе чуткія натуры, поэты прекрасно выражаютъ всѣ колебанія въ оцѣнкѣ великаго поэта, вѣрно схватываютъ всѣ ея переливы. Бездарныя по формѣ стихотворенія иногда очень значительны по своему общему настроенію или отдѣльнымъ подробностямъ содержанія. Собирая и печатая все, что только можно было собрать, мы этимъ устраняемъ и субъективность выбора“.

„Въ стихотвореніяхъ знаменитыхъ поэтовъ... попадаются слабыя мѣста; среди нихъ есть и сплошь неудачныя. Съ другой стороны, въ слабыхъ стихотвореніяхъ малоизвѣстныхъ поэтовъ можно найти сильныя строфы и строчки, яркіе образы. Съ историко-литературной точки зрѣнія всѣ они одинаково любопытны...“

Стихотворенія напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ. Они снабжены библіографическими примѣчаніями, которыя, вѣроятно, не помѣшаютъ „большой публикѣ“ и пригодятся людямъ науки. Въ виду небольшого количества стихотвореній мы сочли излишнимъ алфавитный указатель.

Строчки точекъ указываютъ вездѣ на то, что мы изъ цѣлаго стихотворенія взяли отрывки, относящіеся къ Гоголю, опустивъ все то, что къ нему совсѣмъ не относится. При такихъ пропускахъ и сокращеніяхъ мы слѣдили за тѣмъ, чтобы отрывокъ могъ дать все-таки цѣльное впечатлѣніе.

Вл. Каллашъ.

7 ноября 1901 г.
Москва.

Н. М. Языковъ [1]).

Н. В. Гоголю.

Благословляю твой возвратъ
Изъ этой нехристи нѣмецкой
На русь, къ святынѣ москворѣцкой!
Ты, слава Богу, счастливъ, братъ:
Ты дома, ты уже устроилъ
Себѣ привольное житье;
Уединеніе свое
Ты оградилъ и успокоилъ
Отъ многочисленныхъ суетъ
И вредоносныхъ навожденій
Мірскихъ отъ праздности и лѣни,
Отъ празднословящихъ бесѣдъ —
Высокой, вѣрною оградой
Любви къ труду и тишинѣ:
И своенравно, и вполнѣ
Своей работой и прохладой
Ты управляешь, и цвѣтетъ
Твое житье легко и пышно,
Какъ милый цвѣтъ въ тѣни затишной,
У родника стеклянныхъ водъ!
. . . .

1841.

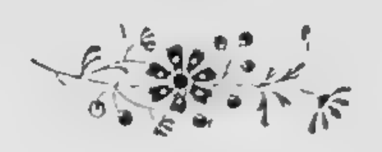
1) Стихотв., II, Спб. 1858, 213—4.

Н. В. Гербель[1].

Введеніе къ поэмѣ.

Пробѣжавъ по струнамъ,
Золотымъ пѣвунамъ,
Не жалѣю ни груди, ни глотки:
И сіяй, и свѣтлѣй,
Незабвенный Лицей,
Знаменитый Лицей Безбородки!
Гдѣ окрѣпъ, возмужалъ
Тотъ, кто выше похвалъ,
Дивный Гоголь, изъ геніевъ геній,
Гдѣ Торкватовъ пѣвецъ[2])
Ужъ мечталъ про вѣнецъ,
Гдѣ трудился Гребенка Евгеній.
. . . .

1845.

---

1) Гимназія Высшихъ Наукъ и Лицей князя Безбородко, Спб., 1881, стр. CXVIII. Полное собр. стихотв. Гербеля, Спб., 1882, II, 328.

2) Н. В. Кукольникъ.

А. А. Григорьевъ [1].

. . . .

О, поцѣлуй!.. Тебя давно не пѣли
Поэты наши... Злобой и тоской
Желѣзные стихи ихъ намъ звенѣли—
Но стихъ давно ужъ не звучалъ тобой...
На Божій міръ такъ сумрачно глядѣли
Избраннники, намъ данные судьбой,
И Лермонтовъ, и Гоголь... Такъ уныло,
Такъ безъ тебя намъ пусто въ мірѣ было!

. . . .

1847.

1) „Моск. Городской Листокъ“, 1847, № 163, стр. 637.

Москвичъ[1].

Н. В. Гоголю.

Милый Гоголь нашъ, здорово!
Ты вернулся къ намъ опять!
Дай сказать съ тобой мнѣ слово,
Дай тебя расцѣловать!
Побесѣдуй-ка съ друзьями!..
Ты всегда намъ милъ, пригожъ,
На Руси живешь ли съ нами.
Или за моремъ живешь.
Мы слѣдили за тобою
Съ той поры, нашъ другъ и братъ,
Какъ разстался ты съ Москвою
Года три тому назадъ.
И туда, гдѣ пышны долы
Дружно ластятся къ горамъ,
Гдѣ катаются гондолы
По лиманамъ и рѣкамъ,
Гдѣ цвѣтутъ лѣса густые
Кипарисовъ и оливъ,
Гдѣ лимоны золотые
Рдѣютъ подлѣ алыхъ сливъ,
Гдѣ зимой пылаютъ розы,
И ручьи бѣгутъ, шумятъ,
И раскидываетъ лозы
Темносиній виноградъ;

---

[1]) „Москвитянинъ", 1848, № 11—12, стр. 1—8. Шевыревъ?

Гдѣ на ясный день похожа
Восхитительная ночь;
Гдѣ, мечты твои тревожа,
Юга пламенная дочь,
Гдѣ твоя Аннунціата
Блещетъ вѣчной красотой,—
Милый Гоголь нашъ, туда-то
Мы летѣли за тобой,
И тебя, какъ ты съ чужими
Жилъ среди чужой земли,
Мы молитвами святыми
Издалека берегли.
Знали мы, что ты недаромъ
Межъ развалинъ и могилъ
Въ Римѣ вѣчномъ, въ Римѣ старомъ
Наблюдательно бродилъ.
Было намъ порой извѣстно,
Гдѣ живутъ твои мечты,
И что русскимъ словомъ честно,
Какъ художникъ правишь ты.
А когда мы услыхали,
Что пришелъ къ тебѣ недугъ,
Всѣ, исполнены печали,
Всѣ глядѣли мы на югъ;
Боязливо мы глядѣли;
Боязливо иногда
Говорили: „Неужели
Не вернется онъ сюда?
Знать, и *этого* судьбою
Намъ утратить суждено!
Или, Русь, еще тобою
Мало жертвъ принесено?!“
И повсюду вѣсть промчалась,
Будто смерть косой своей
Въ дверь къ тебѣ уже стучалась...

Но воскресъ ты для друзей!
Ты воскресъ, простился съ Римомъ
И съ Неаполемъ своимъ,
И пустился пилигримомъ
Въ дальній путь, въ Ерусалимъ.
И туда, въ страны Востока,
За тобою, другъ и братъ,
Мы летѣли, гдѣ широко
Степи знойныя лежатъ;
Гдѣ чакалка ночью плачетъ,
Между камнями присѣвъ;
Гдѣ пантера съ тигромъ скачетъ;
Гдѣ рыкаетъ ярый левъ;
Гдѣ кочуетъ между ними,
Степи страшный господинъ,
Съ кобылицами своими,
Смуглоликій бедуинъ;
Гдѣ порою ураганы
Ходятъ, рыскаютъ кругомъ,
Засыпая караваны
Удушающимъ пескомъ.
Тщетно путникъ одинокой
Ищетъ хладнаго ключа:
Не бѣжитъ въ степи широкой
Онъ, сверкая и журча.
Но далеко, за песками
Благодатный есть потокъ:
Искони его струями
Древній славится Востокъ;
Тамъ бѣжитъ рѣка святая,
Тиховодный Іорданъ,
Къ берегамъ своимъ сбирая
Мирны сонмы христіанъ;
Черезъ степь они стремятся,
Тонутъ въ прахѣ и пескѣ,

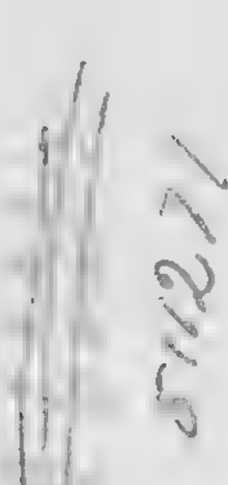
Чтобы только искупаться
Въ благодатной той рѣкѣ,
И побыть хотя немного
На священныхъ берегахъ,
Что когда-то зрѣли Бога,
Въ ихъ крещеннаго струяхъ.
Полетѣлъ и я туда бы,
Перенесъ бы зной и трудъ!
Пусть свирѣпые арабы
Эти воды стерегутъ!
Пусть они и злы и ловки,
Пусть ихъ носятъ за спиной
Узкоствольныя винтовки
Да копье въ сажень длиной:
Я швырну иному грозно
Передъ очи два ствола...
Пробормочетъ, да ужъ поздно:
„Ля илягэ эль Алла̀!“ [1])
Такъ-то ты, по волѣ Бога,
Много видѣлъ городовъ
И наслушался ты много
Всякихъ разныхъ языковъ;
Разговаривалъ съ тобою
Рима гордый гражданинъ,
Турокъ съ пестрою чалмою,
Въ аломъ фесѣ бедуинъ,
И лихіе черногоры,
И нѣмецкій буттербротъ,
И французы - щелкоперы,
И евреи — плутъ-народъ.
Въ синемъ морѣ-океанѣ
Ты поплавалъ... Но скажи,
Какъ увидѣлъ ты въ туманѣ
Милой Руси рубежи,

[1]) «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога!» *Прим. автора.*

Какъ услышалъ вдругъ ты снова
Чудный русскій нашъ языкъ,
Наше царственное слово,
Отъ котораго отвыкъ,
И потомъ какъ показалось
Все знакомое вокругъ, —
Что, скажи, съ тобою сталось
Въ эту пору, милый другъ?
И потомъ, какъ предъ тобою,
Величава и свѣтла,
Волга, лентой голубою
Извиваясь, потекла,
Какъ увидѣлъ ты озера
Пѣнно шумныя вдали,
Гдѣ волны встаютъ, какъ горы,
Гдѣ гуляютъ корабли,
Какъ увидѣлъ ты разливы
Дорогихъ своихъ степей
И съ обильной жатвой нивы
Малороссіи твоей,
Какъ тебя примчали кони
Въ этотъ Руси уголокъ,
И когда, какъ на ладони,
Ты увидѣлъ хуторокъ, —
Хуторокъ, тебѣ знакомый,
Да и намъ... Когда потомъ
Хаты, крытыя соломой
Показалися кругомъ,
И, одѣтыя въ запаски [1])
Запестрѣли предъ тобой
И Пидорки и Параски
Разноцвѣтною толпой,
И Оксана промелькнула,
И за ней прошелъ кузнецъ,

[1]) Особенный родъ одежды у малороссіянъ. *Прим. автора.*

Забубенный твой Вакула,
Богатырь и молодецъ;
И послышалась простая
Гдѣ-то пѣсня чумака [1]),
Прямо за сердце хватая,
То унывна, то бойка...
Наконецъ, какъ яснымъ взоромъ
Ты завидѣлъ далеко
Домикъ съ низенькимъ заборомъ,
Гдѣ живалъ Рудый Панько,
Какъ узналъ свои скворешни
И колодецъ журавцомъ,
И родимыя черешни,
Что склонились надъ крыльцомъ,
И баштаны [2]) съ кавунами [3]),
И травой поросшій дворъ,
И повиснувшій кистями
Виноградъ черезъ заборъ,
И потомъ, какъ подъѣзжая,
Встрѣтилъ ты старушку-мать,
И смѣяся и рыдая,
Сталъ ее ты обнимать,
И горячей головою
На плеча ея поникъ...
Что подѣялось съ тобою,
Милый Гоголь, въ этотъ мигъ?..
Гдѣ же лучше, веселѣе?
За морями что ли, другъ?
Тамъ гдѣ нашего теплѣе,
Гдѣ цвѣтетъ роскошный югъ?

1) Малороссійскій крестьянинъ-промышленникъ. Чумаки возятъ на волахъ, въ продолженіе почти цѣлаго года, изъ города въ городъ соль, пшено и т. п. *Прим. авт.*

2) Садъ съ огородомъ. Турецкое слово. *Прим. автора.*

3) Арбузъ. *Прим. авт.*

Аль съ арабами степными,
Подъ убогимъ ихъ шатромъ?
На Руси ли, со своими,
Гдѣ семья, гдѣ отчій домъ?
Ась?.. Вотъ то-то и оно-то!
Ты утупившись стоишь!
Загадался отчего-то,
Загадался и молчишь...
Но пока промоловишь слово,
Я скажу тебѣ опять:
Милый Гоголь нашъ, здорово!
Дай тебя расцѣловать.

18 октября 1848 г.

Новый поэтъ (И. И. Панаевъ) [1].

Пародія.

Въ груди моей и буря, и смятенье,
Святымъ восторгомъ вѣчно движимъ я, —
Внимаетъ мнѣ Россія съ умиленьемъ.
Чего же, Русь, ты хочешь отъ меня?
Зачѣмъ съ такимъ невиданнымъ волненьемъ
Не сводишь ты съ меня своихъ очей?
О, Русь, о, Русь, съ нѣмымъ благоговѣньемъ —
Чего же ждешь ты отъ моихъ рѣчей?..
Иль чувствуешь, что слово вдохновенья
Въ устахъ моихъ, пылающихъ огнемъ,
Есть *личная потребность очищенья*,
И потому такая сила въ немъ!

---

[1] «Москвитянинъ», 1851, окт., стр. 270. Пародія на полемическое обращеніе Гоголя къ Россіи въ «Мертвыхъ Душахъ» и нѣкоторыя мысли его «Переписки».

Н. А. Некрасовъ [1].

Блаженъ незлобивый поэтъ,
Въ комъ мало желчи, много чувства, —
Ему такъ искрененъ привѣтъ
Друзей спокойнаго искусства.
Ему сочувствіе въ толпѣ,
Какъ ропотъ волнъ, ласкаетъ ухо;
Онъ чуждъ сомнѣнія въ себѣ —
Сей пытки творческаго духа.
Любя безпечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Онъ прочно властвуетъ толпой
Съ своей миролюбивой лирой.
Дивясь великому уму,
Его коварно не злословятъ,
И современники ему
При жизни памятникъ готовятъ... [2])
Но нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей горделивый геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.
Питая ненавистью грудь,
Уста вооруживъ сатирой,
Проходитъ онъ тернистый путь
Съ своей карающею лирой;

1) «Современникъ». 1852, III. 147—148.
2) Повидимому, намекъ на Пушкина.

Его преслѣдуютъ хулы,
Онъ ловитъ звуки одобренья
Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
А въ дикихъ крикахъ озлобленья.
И вѣря и не вѣря вновь
Мечтѣ высокаго призванья,
Онъ проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья —
И каждый звукъ его рѣчей
Плодитъ ему враговъ суровыхъ,
И умныхъ и пустыхъ людей,
Равно клеймить его готовыхъ.
Со всѣхъ сторонъ его клянутъ
И только, трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ — ненавидя!

25 февраля 1852 г.

Шр... [1]

Пойдемъ къ нему печальною толпою,
Взглянуть въ лицо въ послѣднiй разъ;
Къ добру когда-то мощною душою
Сквозь смѣхъ и слезы велъ онъ насъ...
    Оставя толки, за дорогу
    Помолимся у гроба Богу!
Снесемъ его печальною толпою
Въ ряды старѣющихъ могилъ,
И кто злословилъ, кто любилъ,
Пусть броситъ братскою рукою
    На новоселье горсть земли, —
    Все, что теперь мы дать могли.

---

1) «Вѣдомости Моск. Городск. Полицiи», 1852, № 47. Съ прим. редакцiи: «Мы получили эти стихи въ самый день похоронъ Гоголя... Помѣщаемъ ихъ теперь безъ измѣненiя, какъ выраженiе скорби одного изъ многихъ, кто чувствуетъ великость нашей утраты».

Н. Бергъ [1].

Надъ гробомъ Гоголя.

Ударилъ часъ — и нѣтъ у насъ его!
Пытливое еще закрылось око,
Еще у насъ не стало одного,
Кто видѣлъ Русь и жизнь ея глубоко!
И онъ, какъ тѣ, угасъ во цвѣтѣ лѣтъ,
И всѣ сердца исполнились печали,
И поняли, кого межъ нами нѣтъ,
Кого мы невозвратно потеряли...
А между тѣмъ, когда межъ нами жилъ
И дѣйствовалъ и мыслилъ этотъ генiй,
Исполненный живыхъ, чудесныхъ силъ
И тайныхъ, неразгаданныхъ видѣнiй, —
Тогда вполнѣ его не понималъ
Никто изъ насъ, по-своему толкуя
О томъ, что онъ въ душѣ своей скрывалъ,
Одинъ за всѣхъ страдая и тоскуя.
И малодушно былъ онъ осужденъ,
И много въ немъ увидѣли пороковъ,
И много нареканiй вынесъ онъ
И горько оскорбительныхъ упрековъ.
Но все молчалъ, таясь отъ всѣхъ вдали...
И умеръ онъ, и вдругъ намъ грустно стало,
Что мало жизнь мы эту берегли,
И, можетъ, ей сочувствовали мало.

---

1) «Москвитянинъ» 1852. № 8, стр. 273—4.

И всѣ ко гробу мы спѣшимъ,
Гдѣ скрылся онъ, борьбою утомяся,
И плачемъ тамъ, склонясь предъ нимъ
И за душу покойнаго моляся.
Какъ будто смерть разоблачила намъ
Его нераздѣленныя страданья
И шутки со слезами пополамъ,
И вѣчное, упорное молчанье;
Какъ будто намъ теперь лишь уясненъ
Великій духъ — и мы должны сознаться,
Что въ правѣ былъ задумываться онъ
И въ самого себя уединяться...

Тройницкій[1]).

Гоголю.

(Въ память знакомства съ нимъ по возвращеніи его чрезъ Одессу изъ Италіи).

Ты возвращался изъ страны,
Гдѣ столько красокъ и весны;
Гдѣ въ мірѣ вольнаго искусства
Такой просторъ для думъ и чувства;
Гдѣ свѣтлымъ мраморнымъ богамъ
Курился долго ѳиміамъ;
Гдѣ обаяньемъ дышатъ донны;
Гдѣ изваянныя мадонны
По перекресткамъ и дворцамъ
Подъемлютъ взоры къ небесамъ;
Гдѣ въ храмахъ прежнихъ поколѣній
Ужъ не возносится моленій;
Гдѣ древній міръ пріютъ нашелъ;
Гдѣ католичества престолъ.
О той полуденной странѣ,
Ея богахъ, ея веснѣ,
Ея чарующихъ созданьяхъ,
Гремящихъ славою преданьяхъ
Великій нашъ пѣвецъ мечталъ,
Хотя ея и не видалъ[2]):

[1]) День памяти Пушкина 6 (26) іюня 1880 въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Одесса. 1880. Стр. 48—51.

[2]) Извѣстно, что Пушкину ни разу не довелось побывать за границей. *Примѣч. автора.*

Въ нее лишь только уносился,
Лишь духомъ съ нею онъ родился [1]).
И ликъ ея, какъ бы живой,
Сіялъ предъ вѣщею душой.
Ты на пути въ свой край родимый,
На скиѳскій берегъ нашъ ступилъ,
И міръ иной, родной картиной,
Тебя отвсюду окружилъ.
Перебирая молча чотки,
Ты намъ привѣтъ послалъ рукой
Сквозь карантинныя рѣшотки,
И здѣсь мы встрѣтились съ тобой:
Братъ знаменитаго поэта [2]),
Да я — ничѣмъ не именитый,
Да ты — зашелецъ знаменитый.
Горячимъ воздухомъ одѣта,
Виднѣлась цѣпь черезъ заливъ;
Волны рокочущей отливъ
До слуха чутко доносился,
Пока ты съ нами не простился.
Былъ ясный день, и зной томилъ,
Когда ты кровъ мой посѣтилъ,
И незамѣтно время мчалось,
И многое припоминалось
Про зарубежной жизни строй,
И намъ присущій бытъ родной,
И про твои съ *поэтомъ* встрѣчи,
О *немъ* — владыкѣ русской рѣчи,
Высокомъ, искреннемъ пѣвцѣ,
Унесшемъ въ глубь своей могилы
Такія творческія силы,
Намъ грустно было вспоминать
И раны сердца растравлять.

---

1). Сродился?
2) Л. С. Пушкинъ.

Ни люстръ, висящихъ съ потолка,
Ни бронзъ, ни утвари красивой,
Въ укромной сѣни уголка,
Когда въ Одессѣ суетливой
Ты проживалъ, я не видалъ.
О нихъ ты мало помышлялъ.
Всего двѣ горенки: въ одной
Завѣтъ Спасителя, въ другой —
Гдѣ воплощалась мысль твоя,
Лежала рукопись. Въ ея
Потомъ сожженные листы
Ты заносилъ свои мечты,
И думалъ ты, что трудъ упорный,
Многострадальный, плодотворный,
Свершенъ. Одинъ ударъ рѣзца
До вожделѣннаго конца,
Тебѣ казалось, оставался.
И ты простился и разстался,
Разстался съ нами навсегда...
Всему здѣсь жребій и чреда!
Ты мыслилъ много, и страдалъ,
И умеръ. Не осуществился
Тебя томившій идеалъ.
Изъ дольнаго переселился
Ты въ оный міръ, гдѣ нѣтъ ни словъ [1]),
Ни мнимыхъ радостей, ни грезъ,
Ни воздыханій, ни печали,
Что прежде сердце волновали.
Туда, туда — тебѣ вослѣдъ
Я посылаю свой привѣтъ
Твоимъ несбывшимся мечтамъ
И недомолвленнымъ рѣчамъ... 1852

1) Слезъ?

Кн. П. А. Вяземскій [1].

Поминки (Гоголь).

Ты, загадкой своенравной
Промелькнувшій на землѣ,
Пересмѣшникъ нашъ забавный
Съ думой скорби на челѣ,
Гамлетъ нашъ! Смѣсь слезъ и смѣха.
Внѣшній смѣхъ и тайный плачъ,
Ты, несчастный отъ успѣха,
Какъ другой отъ неудачъ.
Обожатель и страдалецъ
Славы ласковой къ тебѣ,
Жизни труженикъ, скиталецъ
Съ бурей внутренней въ борьбѣ!
Духомъ схимникъ сокрушенный,
А перомъ Аристофанъ,
Врачъ и бичъ ожесточенный
Нашихъ немощей и ранъ, —
Но къ друзьямъ, но къ скорбнымъ братьямъ
Полный нѣжной теплоты!
Умъ, открытый всѣмъ понятьямъ,
Всѣмъ залетнымъ снамъ мечты.
Жрецъ, искусству посвященный,
Жрецъ высокаго всего,
Такъ внезапно похищенный
Отъ служенья своего!

---

[1]) Соч., XI, стр. 10—11.

Въ немъ еще созданья зрѣли:
Смерть созрѣть имъ не дала!
Недостигнувшая цѣли,
Пала смѣлая стрѣла.
Тѣнью смертнаго покрова
Думъ затмилась красота:
Окончательнаго слова
Не промолвили уста.
Жизнь твоя была загадкой,
Намъ загадкой смерть твоя,
Но успѣлъ ты, въ жизни краткой,
Даръ и подвигъ бытія
Оправдать трудомъ и жертвой;
Не щадя духовныхъ силъ,
Въ суетахъ, въ ихъ почвѣ мертвой
Ты таланта не зарылъ.
Не алкалъ ты славы ложной,
Не вымаливалъ похвалъ —
Думой скорбной и тревожной
Высшей цѣли ты искалъ.
И порокамъ и нечестью
Обличительнымъ перомъ
Былъ ты карой, грозной местью
Предъ общественнымъ судомъ.
Теплымъ словомъ убѣжденья
Пробуждалъ ты мудрый страхъ,
Святость слезъ и умиленье
Въ облѣнившихся душахъ.
Не погибнетъ — вѣрной мздою
Плодъ воздастъ въ урочный часъ,
Добрый сѣятель, тобою
Сѣмя брошенное въ насъ!..

1853.

Н. В. Бергъ[1].

На обѣдѣ въ честь М. С. Щепкина.

(Въ саду у М. П. Погодина).

Здѣсь, подъ этими вѣтвями,
Вспомнилъ я обѣдъ другой:
Здѣсь сидѣлъ когда-то съ нами
Имениникъ дорогой[2]).
Мая радуясь раздолью,
Свѣжей зелени полей,
Злѣсь любилъ онъ хлѣбомъ-солью
Угостить своихъ друзей.
Но остался съ нами тотъ,
Кто живыхъ его твореній
Типы намъ передаетъ[3]).
За великаго актера
Выпьемъ дружно! Будь здоровъ,
Городничій „Ревизора“,
Бурдюковъ и Кочкаревъ!
Ѣдешь въ путь ты, но смотри же,
Уѣзжая въ чуждый край,
На Рашель смотря въ Парижѣ,
И своихъ не забывай!
Хлестакову вѣдь, пожалуй,
Безъ тебя не сдобровать,

---

[1]) «С.-Петербургскія Вѣд.», 1853, № 112, стр. 360.
[2]) Гоголь часто справлялъ свои именины у Погодина.
[3]) М. С. Щепкинъ.

Да и Осипъ, добрый малый,
Будетъ также горевать,
Да и всѣ друзья и братья, —
Такъ вернись же поскорѣй
Въ распростертыя объятья
Этихъ братій и друзей!

1852

Н. В. Гербель [1].

Въ дорогу.

. . . .

Въ дорогу, въ дорогу! Ужъ жизненный путь
    Ковромъ предо мной разостлался.
Въ дорогу! Часы за часами бѣгутъ,
    А я еще въ путь не собрался.
Но прежде чѣмъ путь свой избрать я рѣшусь,
    Мой путь, небогатый дарами,
Къ кому, какъ не къ вамъ, я душой обращусь?
    И я преклоняюсь предъ вами —
Предъ вами, которые здѣсь до меня
    Росли въ этомъ самомъ Лицеѣ,
Здѣсь такъ же мечтали въ саду, какъ и я,
    И, можетъ-быть, въ этой аллеѣ,
А нынѣ, во славу родимой земли
    Пропѣвъ пѣсни вѣщія міру,
Въ сырую могилу съ собой унесли
    Вѣнокъ и разбитую лиру;
Къ кому я изъ дѣтства стремился душой,
    И чьи благородныя тѣни
Незримо витаютъ теперь надо мной,
    Покинувъ могильныя сѣни.

---

1) «Современн.», 1855, т. L, № 4, отд. I, стр. 393; гимназія Высшихъ Наукъ и Лицей князя Безбородко, Спб; 1881, стр. 8—9; полное собр. стих. Гербеля, Спб. 1882, II, 308: Лицей кн. Безбородко. Спб. 1859, 25—26.

И ты, возмужавшій въ безвѣстной тиши,
Людей сердцевѣдецъ великой,
Чье слово проникло въ тайникъ ихъ души
И сдѣлалось думъ ихъ владыкой!
Творецъ „Ревизора“, пѣвецъ „Вечеровъ“,
Степей поднѣпровскихъ и Сѣчи!
Кто, полнъ вдохновенья, уже былъ готовъ
Начать величавыя рѣчи —
И [1]) славное имя въ безсмертья скрижаль
Вписавшій чертами созданья,
Въ которомъ улыбка скрываетъ печаль
И смѣхъ заглушаетъ рыданья!
. . . .

1855.

[1]) Вар.: Ты.

П. Жадовскій [1].

Памяти Гоголя.

Лежитъ онъ во мракѣ холодной могилы
И спитъ непробуднымъ, таинственнымъ сномъ,
А геній его, полный жизни и силы,
Живетъ между нами на память о немъ.
И живы картины, что кистью широкой
Художникъ могучій для насъ начерталъ:
Въ нихъ много насмѣшки и правды глубокой,
И вѣчной красы въ нихъ блеститъ идеалъ.
Онъ шелъ одиноко житейской дорогой;
Но все, на что падалъ художника взглядъ,
Его вызывало на думу; тревогой
Кипѣла душа. Какъ въ огнѣ ароматъ,
Сгорая, далеко кругомъ разливаетъ
Свой запахъ прекрасный, — такъ геній-поэтъ,
Страдая, намъ тайны души открываетъ,
Прекраснаго дивный рисуетъ портретъ.
И спятъ непробудно и думы и грезы,
Которыя Гоголь въ душѣ схоронилъ;
Смолкъ видимый смѣхъ сквозь незримыя слезы—
Но міръ этотъ смѣхъ до сихъ поръ не забылъ!
Прочувствовать все было сердце готово,
На все онъ откликнулся чуткой душой.
О, скоро ль услышимъ мы мѣткое слово,
Которое онъ говорилъ намъ порой!

---

[1]) Стихотв. П. Ж., Спб., 1859, стр. 49—50.

То слово, что сердце невольно пронзало
Иль нѣжило душу, какъ страсти мечта,
Смѣяться и плакать людей заставляло,
Замолкло оно, но жива красота.
Спи, Гоголь, спокойно въ могилѣ холодной!
Ты славно окончилъ свой жизненный путь,
И трудъ твой для міра былъ трудъ не без-
плодный:
Онъ радость, надежду вливалъ въ нашу грудь.
И памятникъ вѣчный стоитъ надъ тобою,
Земная его не сотретъ клевета;
Боролся ты долго съ людьми и судьбою,
Но все побѣдила пера красота!

1856.

Кн. П. А. Вяземскій [1].

. . . .

И Гоголь былъ судья и врачъ,
Но у него въ борьбѣ съ развратомъ
И о себѣ намъ слышенъ плачъ
Въ рыданіяхъ надъ падшимъ братомъ.
Не свысока онъ насъ училъ,
Не въ донктринерствѣ хладно-черствомъ
Онъ насъ за слабости корилъ,
А угождалъ себѣ потворствомъ.
Чтобъ игрищемъ народъ привлечь,
Не лѣзъ онъ въ гласность, какъ потѣшникъ,
Въ порокъ вонзая острый мечъ,
Онъ самъ былъ кающійся грѣшникъ.
И съ нимъ идемъ рука съ рукой
Въ одномъ сочувствіи горячемъ:
Съ нимъ и смѣемся надъ собой,
И надъ собой мы горько плачемъ.

1864.

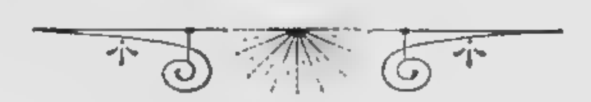
1) Собр. соч., XII. 173—174.

А. Львова [1].

Памяти Гоголя.

(Ко дню открытія бюста его въ г. Нѣжинѣ).

Родного юмора создатель незабвенный,
Поэтъ и реалистъ, мыслитель вдохновенный,
Въ своихъ твореніяхъ онъ силу реализма
Сумѣлъ соединить съ душевностью лиризма!
Приволье дикое степей своихъ зеленыхъ,
Гдѣ въ волнахъ ковыля съ конями утопали
Сыны разгульные пороговъ отдаленныхъ,
Степей, что никогда косы еще не знали;
Картины мирныя забытыхъ хуторковъ,
Подъ тѣнью свѣжею запущенныхъ садовъ,
Ихъ жизнь спокойную, вдали отъ треволненій,
И нравы странные уѣздныхъ городковъ,
Съ живыми типами отжившихъ поколѣній, —
Художникъ, онъ списалъ могучими штрихами,
И время не затретъ ихъ свѣжими слѣдами
Грядущихъ геніевъ, чей путь не такъ тернистъ,
Какъ не затретъ слѣды преданій вѣковыхъ,
Которыя поетъ народный бандуристъ,
Грядущее звено событій міровыхъ!

---

[1]) 4 сент. 1881 г. въ Нѣжинѣ (Открытіе памятника Н. В. Гоголю). Кіевъ. 1882. Стр. 18. (Также «Кіевлянинъ», 1881, № 197).

Л. И. Глѣбовъ [1].

Былъ Гоголь съ нами много лѣтъ,
И нынѣ Гоголь — передъ нами,
Ему почетъ, ему привѣтъ
Достойнымъ дѣломъ и рѣчами.
    И видитъ нынѣ духъ его —
    Куда стремится Русь родная,
    Такъ оцѣнившая его —
    И старая и молодая.
Зарею новой лучшихъ лѣтъ
Да озарится наша сфера!
Нашъ тостъ — сердечный тотъ привѣтъ
Отчизнѣ русскаго *Гомера!*

[1]) 4 сент. 1881 г. въ Нѣжинѣ (Открытіе памятника Н. В. Гоголю). Кіевъ. 1882. Стр. 21. Также «Заря» 1881, № 197).

Студентъ-юристъ унив. св. Владиміра [1].

Къ тебѣ, къ украшенью родимой земли,
Мы, юноши, съ должною данью пришли —
На бюстъ съ благоговѣньемъ вѣнокъ возложить,
Священную память поэта почтить.
Ты былъ великъ своей душою,
Огонь святой въ тебѣ горѣлъ,
Какъ гражданинъ, ты надъ судьбою
Отчизны-матери скорбѣлъ.
Любилъ ты свѣтъ, желалъ ей свѣта,
И не видалъ ты свѣта въ ней,
И ныло сердце, умъ поэта,
И, что ни день, то скорбь сильнѣй
Росла въ тебѣ, — и ты воспрянулъ,
И мощь въ душѣ своей нашелъ,
И вдаль отважнымъ окомъ глянулъ,
И смѣло въ честный бой пошелъ.

---

[1]) 4 сент. 1881 г. въ Нѣжинѣ (Открытіе памятника Н. В. Гоголю), Кіевъ. 1882. Стр. 19—20. Приложенное въ письмѣ стихотвореніе сопровождено такимъ замѣчаніемъ автора: «Преклоняясь всегда предъ памятью Н. В. Гоголя, я почту за счастье принести и свою посильную ленту въ общее чествованіе его имени. Геній — достояніе народа. Мнѣніе каждой единицы народа во время всенароднаго торжества въ честь писателя, гордости отечества, имѣетъ за собой законное, неоспоримое право. Художественность, серьезность этого мнѣнія — дѣло условное. Я желалъ бы поэтому, чтобы мое стихотвореніе было прочитано на площади во-время открытія бюста».

Тотъ бой былъ страшенъ — ты смѣялся.
Исполненъ прелести, красы,
Наивной родинѣ казался
Твой смѣхъ безъ признаковъ слезы.
Твои слова были пѣвучи,
Были тверды, какъ сталь, алмазъ,
Порой печальны, то вдругъ жгучи,
И изъ-за нихъ изъ добрыхъ глазъ
Твоихъ слеза лилась, катилась...
О, генiй, ясно нынѣ намъ,
Какимъ былъ преданъ ты мечтамъ,
И *чѣмъ* душа твоя томилась!
Порой, оставивъ смѣхъ печальный,
Отдавшись пламеннымъ мечтамъ,
Ты жилъ въ вѣкахъ прошедшихъ, давнихъ
И вдохновенье черпалъ тамъ.
Рисуя образы живые
Изъ мiра вольныхъ, бранныхъ ссоръ,
Бросалъ отчизнѣ ты укоръ,
Какъ будто молвилъ: „вы пустые,
Не люди вы, а вы — рабы;
Вамъ непонятна жизнь борьбы
За идеалъ, за убѣжденья!“
А всѣ твои, поэтъ, творенья!
Какъ блещутъ всѣ они красой.
Какъ много въ нихъ поэзьи, чувства,
Любви, сердечности, искусства...
Привѣтъ тебѣ, поэтъ родной!
Прими же вѣнокъ нашъ! Любя просвѣщенье,
Студенты несутъ его, чувства полны,
Тому, кто шелъ къ свѣту, вѣщалъ обновленье
Для мiра неволи, страданiй и тьмы!

П. И. Вейнбергъ[1]).

(Къ пятидесятилѣтнему юбилею «Ревизора»).

Въ безстрашной дерзости нахально торжествуя,
Гуляли по свѣту порокъ, уродство, грѣхъ—
И вдругъ встревоженно попрятались, почуя
Опаснаго врага: то былъ всесильный смѣхъ.
Не ядовитый смѣхъ слѣпого озлобленья—
Нѣтъ, тотъ, въ чьей глубинѣ бѣжитъ, чиста, свѣтла,
Струя широкая любви и сожалѣнья
О братьяхъ, гибнущихъ въ оковахъ духа зла.
Какъ Божьи вѣстники—спасительныя грозы—
Сметаютъ прочь съ небесъ ряды зловѣщихъ тучъ,
Такъ этотъ чудный смѣхъ, *всѣмъ видимый—сквозь слезы,*
Никѣмъ незримыя, понесся смѣлъ, могучъ.
И съ этихъ поръ все то, что не страшится кары
Ни Божьей, ни людской — блѣднѣетъ и дрожитъ.
Когда, неся съ собой смертельные удары,
Вдругъ этотъ мощный смѣхъ подобно загремитъ,

---

1) «Новости» 1886. № 107 (и отдѣльно, Спб., 1886); «Петерб. Листокъ», 1886, № 105; «Петерб. Газета», 1886, 21 апрѣля; Петерб. Вѣд.» 1886, № 108.

Съ нимъ сдѣлокъ никакихъ, не знаетъ онъ пощады,
И смотрятъ на него всѣ эти слуги зла
Съ безсильной злобою, какъ изъ болота гады
На царственный полетъ богатыря-орла.
Слава смѣху благородному,
Слава храброму воителю,
Прямодушному, свободному,
Тьмы и кривды разрушителю.
Слава творческому генію
Этой силы воплощенію
Средь соотчичей своихъ,
Рѣзкимъ „словомъ отрицанія"
Въ царство свѣта, мира, знанія
Призывающему ихъ!

Гномъ[1]).

По поводу 50-лѣтняго юбилея комедіи «Ревизоръ».

«Видимый міру смѣхъ и невидимыя міру слезы».

Въ мірѣ прозы,
  Въ мірѣ тьмы
Смѣхъ сквозь слезы
  Слышимъ мы.
Смѣхъ открытый,
  А порой —
Ядовитый,
  Тонкій, злой
Въ мірѣ прозы
  Намъ слышны, —
Только слезы
  Не видны.
И, быть-можетъ,
  Этотъ смѣхъ
Не тревожитъ
  Въ жизни всѣхъ,
Кто ужился
  Съ тьмой людской, —
Но творился
  Смѣхъ такой
Въ часъ, какъ горе,
  Жизни зло,
Скорби море
  Сердце жгло.

---

1) «Петербургскій Листокъ» 1886, № 104.

* * *[1].

Друзья! въ порывахъ сердца благородныхъ,
Безъ пышныхъ фразъ и словъ,
Теперь я и о томъ сказать готовъ,
Кто бездну породилъ и мнѣній разнородныхъ.
Кто нажилъ и друзей, и множество враговъ,
Кто подражателей себѣ нашелъ бездарныхъ,
Кто разбираемъ былъ въ статьяхъ высокопар-
ныхъ,
Иль, возбудивъ невольный интересъ,
За свой талантъ, за умъ, понятія и взгляды,
Кто былъ превозносимъ едва ль не до небесъ
И вмѣстѣ былъ осмѣянъ безъ пощады, —
Ну, словомъ, кто теперь уже угасъ,
Судимый строго ли, не строго ль,
Но я скажу всегда и прямо, что нашъ Гоголь
Достоинъ памяти признательной отъ насъ!
Своимъ умомъ, талантомъ, яснымъ взоромъ
Онъ въ жизни общей многое раскрылъ
И сцену русскую невольно оживилъ,
Какъ подарилъ насъ „Ревизоромъ“!
Пусть раздается всюду приговоръ:
Гласъ скромный критика иль рѣзкій крикъ пе-
данта,

[1]) «Петербургскій Листокъ», 1886, № 105, «По случаю столѣтія русскаго театра было посвящено цѣлое стихотвореніе памяти творца «Ревизора». Стихотвореніе это было прочитано Мартыновымъ 30 августа 1856 года». См. П. Григорьевъ. Въ память столѣтія русскаго театра, 1856. Спб., стр. 106—107.

Мы, не вступая въ шумный споръ,
Давно убѣждены, что „Ревизоръ“—
Созданье самобытнаго таланта!
Пусть судитъ иль бранитъ сердитый журналистъ,—
Здѣсь нѣтъ вражды, нѣтъ злобы и измѣны...
Миръ праху твоему, нашъ комикъ-юмористъ,
И искренній привѣтъ артистовъ русской сцены!

Классикъ[1]).

На юбилей «Ревизора».

Великій сатирикъ! Полвѣка прошло
Съ тѣхъ поръ, какъ для нашего взора
Ты вывелъ такъ смѣло, правдиво, свѣтло
Знакомыхъ намъ лицъ „Ревизора“.
И что же? Донынѣ средь нашей семьи
Здоровы и живы герои твои!
Временъ пережитыхъ сѣдая рука,
Мелькнувши, коснулась ихъ мало—
Они въ наши дни измѣнились слегка
И смотрятъ не такъ, какъ бывало...
Наружностью только... но внутрь загляни—
Внутри-то, пожалуй, все тѣ же они...
Сквозникъ-Дмухановскій спокойно живетъ
Въ далекомъ, глухомъ городишкѣ,
Съ Абдулиныхъ глупыхъ онъ взятки беретъ,
Ведя осторожно дѣлишки,
И въ обществѣ нашемъ для нашихъ деньковъ
Чудитъ современный Иванъ Хлестаковъ.
Сама городничиха съ дочкой своей
Заводятъ по клубамъ амуры;
Толстякъ Земляника сталъ вдвое хитрѣй,
Съ задатками той же натуры,
А Добчинскій съ Бобчинскимъ, милымъ друж-
комъ,

[1]) «Петербургскій Листокъ», 1886. № 104.

За добрымъ начальствомъ бѣгутъ пѣтушкомъ.
Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ оформилъ свой видъ,
Законъ—на „догадки“ не сводитъ,
Къ нему для защиты отъ кровныхъ обидъ
Пошлепкина—слесарша ходитъ.
И Мишка, слуга Сквозника, для услугъ
Ходатаемъ частнымъ гуляетъ, какъ другъ.
А лѣкарь нашъ Гибнеръ, въ ласкающемъ снѣ
Забывшій микстуры и спуски,
Теперь ужъ привыкъ объясняться вполнѣ
Со всѣми дѣльцами по-русски.
И служитъ онъ гдѣ-то, живя богачомъ,
Для пользы людской—санитарнымъ врачомъ.
Для Шпекиныхъ—служба, какъ встарь, дорога,
Ихъ много въ новѣйшемъ есть родѣ.
Живъ также и Хлоповъ... Лишь Осипъ—слуга
Исчезнулъ какъ будто въ народѣ.
И тамъ, гдѣ излишенъ прогресса комфортъ,
Встрѣчаются типы былыхъ Держимордъ...
Почтенный Коробкинъ, затѣмъ Люлюковъ
А съ ними и самъ Растаковскій
Молчатъ въ засѣданьяхъ, и всѣхъ простаковъ
Чаруетъ ихъ взглядъ философскій.
Въ различныхъ правленьяхъ, за мирный свой трудъ,
Они пребольшіе оклады берутъ!..
Мѣняя свой видъ и шагая впередъ
Лишь только къ наживѣ пріятной,
Кружокъ ихъ интимный донынѣ живетъ
На лонѣ земли необъятной,
И съ ними, средь общей своей кутерьмы,
Нѣтъ-нѣтъ, да порою и встрѣтимся мы!
Правдивою пѣсней въ досужій свой часъ,
Сказавъ, никого не обидимъ,

Что, можетъ, сегодня, въ театрѣ средь насъ
Изъ нихъ кой-кого мы увидимъ.
И взглянемъ, какъ будутъ, мѣшаясь съ толпой,
Смѣяться наивно они надъ собой...
Великій сатирикъ! Полвѣка прошло
Съ тѣхъ поръ, какъ для нашего взора
Ты вывелъ такъ смѣло, правдиво, свѣтло
Знакомыхъ намъ лицъ „Ревизора“.
Они измѣнились... Но внутрь загляни —
Внутри-то, пожалуй, все тѣ же они!..

Н. Стружкинъ[1].

Памяти Н. В. Гоголя.

Намъ не нуженъ бездушный поэтъ
Съ леденящей и ѣдкой сатирой!
Промелькнетъ онъ межъ насъ, безпріютный и
сирый,
Если къ людямъ любовью онъ не былъ согрѣтъ,
Если въ своемъ онъ родимомъ краю
Пошлость и грязь только видѣлъ
И, насыщая ей злобу свою,
Все, не любя, ненавидѣлъ!
Много есть зла и неправды средь насъ,—
Бросимъ въ нихъ съ силой каменья...
Но для чего же зажмуривать глазъ,
Видя благія явленья?
Вѣдь не болѣзни же вѣка однѣ
Намъ бичевать безсердечно...
Не поискать ли въ родимой странѣ,
Что высоко безконечно?
Не полюбить ли, что стоитъ любви?
Не приласкать ли, что проситъ привѣта?
Съ стонущимъ братомъ слить слезы свои —
Вотъ назначенье издревле поэта!
Такъ его Гоголь всегда понималъ,
Этотъ писатель великій!
Смѣхъ его лаской, любовью дышалъ,
Злобы въ немъ не было дикой.

---

1) „Московскій Листокъ“ 1886, № 107.

Какъ увлекался онъ синимъ Днѣпромъ!
Свѣтомъ Украинской ночи!
Съ дѣвственно-чистымъ воспѣлъ онъ огнемъ
Южной красавицы очи!
Въ тройкѣ, несущейся вихремъ впередъ,
Русь онъ любилъ удалую!
Кто задушевнѣй, теплѣй воспоетъ
Запорожскую славу былую?..
Вотъ съ удалыхъ козаковъ вереницею
По безконечнымъ степямъ,
Съ Бульбой Тарасомъ, кочующей птицею,
Гоголь проносится самъ!
Вотъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ радостный
Авторъ рисуетъ покой...
Въ душу намъ миръ благодатный и сладостный
Вноситъ разсказъ тотъ съ собой!
Сказку, легенду, преданье ль народное
Съ новыхъ поэтъ освѣщаетъ сторонъ,
Но и въ него добродушье природное
И теплоту вноситъ онъ!
Въ Гоголя каждомъ увидишь твореніи
Руководящую нить:
Къ злу снисхожденіе, злу — всепрощеніе
Мастеръ великій умѣетъ вселить!
Дай Богъ, чтобъ Русь нашу, съ тою же силою,
Крѣпко, какъ Гоголь, любилъ весь народъ!
Пусть же, какъ смертный, и взятъ онъ могилою —
Имя его не умретъ!

П. Поспѣловъ[1].

Памяти Гоголя.

(По поводу пятидесятилѣтія „Ревизора“).

Когда Россія крѣпостная
Стонала, въ рабствѣ изнывая,
Когда всѣ лучшіе умы
Стремились выбиться изъ тьмы,—
Руси, прошло тому полвѣка,
Послало небо человѣка,
Который мирнымъ пѣснопѣньемъ
Потрясъ сердца всѣхъ умиленьемъ,
Далъ на запросы душъ отвѣтъ
И освѣтилъ пучину бѣдъ.
Его талантъ раскрылъ печали,
Какими русскіе страдали,
И далъ, какъ въ зеркалѣ, узрѣть,
Чѣмъ можно зло то одолѣть.
Онъ былъ весь вѣкъ борцомъ за правду,
Скорбящимъ всей душой о злѣ
И побѣждающимъ неправду
Сочувствіемъ къ лежащимъ въ мглѣ.
Его смѣхъ чистый сквозь рыданья
Давалъ отраду упованья,
Больнымъ страданья облегчалъ
И миръ въ сердца ихъ поселялъ.

---

1) «Рижскій Вѣстникъ», 1886, № 87.

Въ его устахъ языкъ родной
Былъ и морскою глубиной,
И нѣжнымъ птичекъ щебетаньемъ,
И солнца яснаго сіяньемъ.
Его великія творенья,
Переходя чрезъ поколѣнья,
Какъ снѣгъ, катящійся съ горы,
Сильнѣй все льютъ свои дары.
Ужъ много, съ чѣмъ поэтъ сражался,
Лежитъ поверженнымъ во прахъ,
И лучъ свободы тамъ занялся,
Гдѣ былъ лишь мракъ и рабскій страхъ.
И наша матерь, Русь святая,
Пѣвца любви благословляя,
Идетъ завѣщаннымъ путемъ,
Борясь съ невѣжествомъ и зломъ.
И скоро мракъ весь разлетится
Надъ благодатною страной,
Народъ нашъ знаньемъ просвѣтится...
Хвала пѣвцу страны родной!..

19 апрѣля 1886 г.

М. К. Лавровъ [1].

Памяти Н. В. Гоголя.

(Въ день пятидесятилѣтія его комедіи „Ревизоръ“).

Поэтъ великій и народный!
Прошли года — и твой народъ,
Народъ прозрѣвшій и свободный,
Тебѣ хваленье воздаетъ.
Полвѣка нынче совершилось,
Полвѣка минуло съ тѣхъ поръ,
Когда великое явилось
Твое творенье — *Ревизоръ*.
И что жъ? Толпа завраждовала,
Смѣясь надъ геніемъ твоимъ!
Какъ все великое, сначала
Ты былъ непонятъ и гонимъ.
Но кто жъ былъ первый твой цѣнитель?
Кто первый молвилъ за тебя?
Самъ царь, искусства покровитель
И твой правдивый судія,
Да кругъ людей, кругъ малый, тѣсный,
Тебя, великій, разгадалъ,
И всенародно, громко, честно
Онъ должнымъ должному воздалъ.
Толпа жъ, какъ прежде, враждовала,
Храня свой мракъ и свой покой,

[1]) Сочиненія, М., 1889, стр. 22—4.

Толпа тебя не понимала,
Глумясь, великій, надъ тобой!
За кару страшнаго порока,
За службу истинѣ, добру,
За твой глаголъ, глаголъ пророка,
Ты что жъ нашелъ? Враговъ толпу!
Враговъ открытыхъ и подпольныхъ,
Которыхъ мракъ былъ идеалъ,
Тѣмъ свѣтомъ, правдой недовольныхъ,
Что ты въ своемъ твореньи далъ.
Поэтъ! то было въ дни печали,
Всеобщей спячки, лѣни, тьмы,
Когда отъ истины бѣжали,
Какъ отъ цѣпей, какъ отъ тюрьмы.
Но дней тѣхъ нѣтъ, промчались грозы,
Народъ вздохнулъ, народъ прозрѣлъ,
Теперь невидимыя слезы
Сквозь смѣхъ онъ видимый узрѣлъ.
Теперь тебѣ благодаренье
Всѣхъ русскихъ мыслящихъ людей,
Теперь, поэтъ, твое творенье
Есть слава родины твоей [1])!

[1]) Это стихотвореніе было прочитано на сценѣ Императорскаго Малаго театра 1886 г. апрѣля 21. *Прим. авт.*

Г. Швецовъ [1].

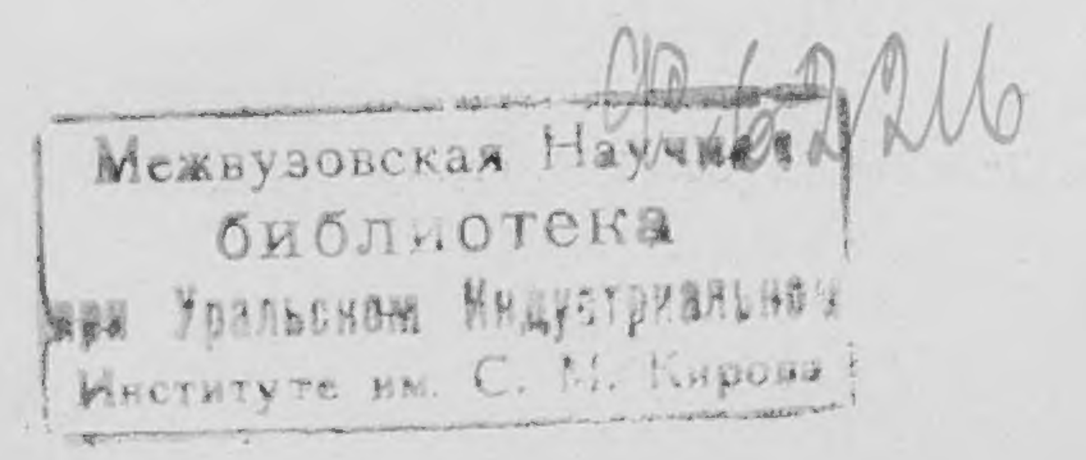
Пятидесятилѣтній юбилей Гоголевскаго «Ревизора».

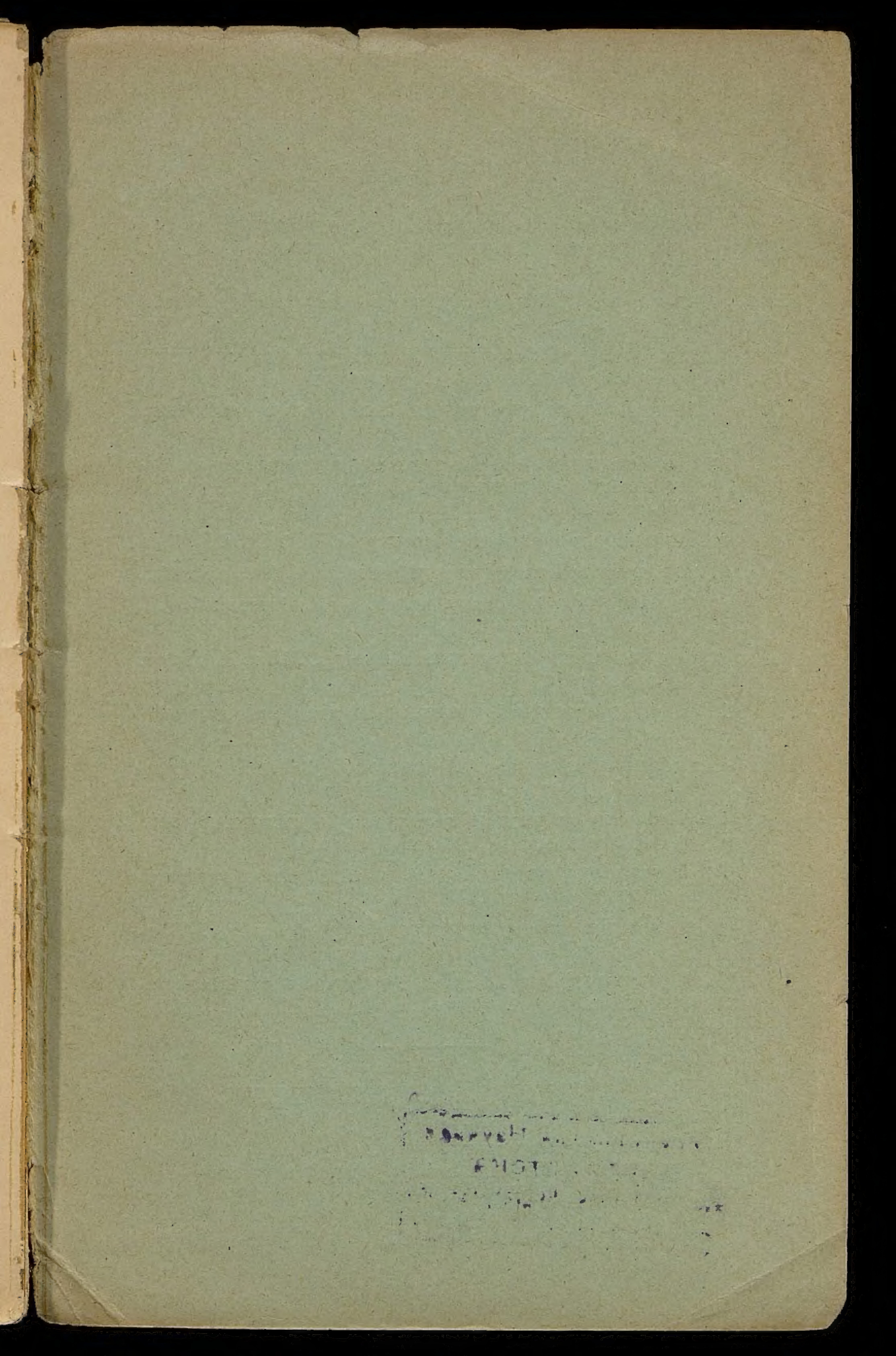
Празднуя днесь юбилей „Ревизора“,
Въ коемъ очерчены типы позора
Въ чиновничьемъ мірѣ минувшей эпохи,
И „Мертвыя Души“ читая со вздохомъ,
Видимъ мы въ авторѣ этихъ твореній
Дивную силу — безсмертія геній...
А такъ ли смотрѣли назадъ полстолѣтья?
И видѣли ль въ Гоголѣ это безсмертье?
Нѣтъ! Человѣчество, видя пророка,
Слыша его порицанье пороковъ
И чувствуя противъ себя обличенье,
Способно скорѣе, въ своемъ омраченьи,
Камнемъ побить и исторгнуть изъ града
Смѣлаго мыслію, вмѣсто награды...
Но время проходитъ и — правда святая,
Въ оцѣнку иную потомства вступая,
Тьму поражаетъ своими лучами.
Такъ же и свѣтлые дни, за ночами
Вступая, природу собой оживляютъ
И силой пернатыхъ пѣвцовъ вдохновляютъ.

1) Сборникъ стих. Дяди Гордѣя, Спб. 1890, стр. 79—80.

Оглавленіе.

Того же автора:

1. **Положеніе неспособныхъ къ труду старпковъ въ первобытномъ обществѣ.** 3 выпуска. М. 1889 г. (Распродано).
2. **Палій и Мазепа въ народной поэзіи.** М. 1889 г. (Распродано).
3. **Что сдѣлала Екатерина II для русскаго народнаго просвѣщенія.** М. 1896 г. (Распродано).
4. **Новые труды по исторіи школы и просвѣщенія.** М. 1897 г. Ц. 40 к.
5. **Безсознательно-юмористическое направленіе въ современной педагогической литературѣ.** М. 1898 г. (Распродано).
6. **Черты дореформеннаго воспитанія.** М. 1898 г. Ц. 25 к.
7. **Изъ исторіи Екатерининской школы.** М. 1898 г. Ц. 25 к.
8. **Къ исторіи народнаго театра, „Царь Максимиліанъ“.** М. 1899 г. Ц. 50 к.
9. **Изъ исторіи русской школы начала XIX в.** М. 1899 г. Ц. 50 к.
10. **Русскіе поэты о Пушкинѣ.** Сборникъ стихотвореній. М. 1899 г. Ц. 1 р.
11. **Поэтическая оцѣнка Пушкина.** М. 1899 г. (Не поступало въ продажу).
12. **Опытъ пересмотра нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ о Бѣлинскомъ.** М. 1900 г. Ц. 50 к.
13. **Нѣсколько догадокъ и соображеній по поводу „Слова о полку Игоревѣ“.** М. 1900 г. Ц. 50 к.
14. **Изъ исторіи малорусской литературы 20-хъ гг. XIX в.** 3 выпуска. Кіевъ. 1900 г. Ц. 1 р.
15. **О постановкѣ преподаванія русскаго языка и словесности въ нашей средней школѣ.** М. 1902 г. Ц. 30 к.

Готовятся къ печати:

1. **Педагогическіе очерки.**
2. **Очерки по исторіи школы** (западной и русской).